

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Олег Михайлов

Кутузов
Том 2

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
М69

Михайлов, О.

М69 Кутузов. В 2 т. Т. 2 / О. Михайлов. – М. : T8RUGRAM /
Агентство ФТМ, 2018. – 318 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74608-8 (т.2.)
ISBN 978-5-4467-3175-6

Олег Николаевич Михайлов – русский писатель, литературовед. Родился в 1932 г. в Москве, окончил филологический факультет МГУ. Мастер художественно-документального жанра; автор книг «Суворов» (1973), «Державин» (1976), «Генерал Ермолов» (1983), «Забытый император» (1996) и др. В центре его внимания – русская литература первой трети XX в., современная проза. Книги: «Иван Алексеевич Бунин» (1967), «Герой жизни – герой литературы» (1969), «Юрий Бондарев» (1976), «Литература русского зарубежья» (1995) и др. Доктор филологических наук.

В данном томе представлено окончание исторического романа «Кутузов», в котором повествуется о жизни и деятельности одного из величайших русских полководцев, светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова, фельдмаршала, героя Отечественной войны 1812 г., чья жизнь стала образцом служения Отечеству.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018

ISBN 978-5-521-74608-8 (т.2.) © Текст. О. Михайлов,
ISBN 978-5-4467-3175-6 наследники, 2018

Книга вторая

Сей идол северных дружин (Окончание)

Часть II

Глава вторая СЛАВНАЯ РЕТИРАДА

1

В местечке Радзивиллов Кременедкого уезда, близ австрийской границы, собиралась Подольская армия. С объявлением о предстоящем походе, к общей радости, упразднены были пудра и коротенькие косы, от которых в памяти солдат остались только слова команды: «Равняйся в косу!» Еще раньше, с восшествием на престол Александра I, были отменены унтер-офицерские экспантоны, отброшены штиблеты и пукли. Зато все прочее осталось как при покойном императоре. В том числе и проклятая капральская трость, от которой подолгу чесались солдатские спины.

Передовые части выступили 13 августа: первой колонной командовал генерал-майор князь Багратион, второй – генерал-лейтенант Эссен, третьей – генерал-лейтенант Дохтуров, четвертой – генерал-лейтенант Шепелев. Дивизия генерал-лейтенанта барона Мальтица, куда входил Ярославский мушкетерский полк, двинулась на четыре дня позже.

В долгом пути и на первых привалах, с самого перехода границы, между солдатами и младшими офицерами родилось большое любопытство: с кем воюем и куда идем? Разнесся слух, что произошла какая-то размолвка у царя с цесарем. Сергей Семенов только смеялся, а потом, у костерка, за сухарной да винной порцией сказал:

– Да разве у вас не стало глаз, ротозей? Что, не видите, как цесарцы ухаживают за нами? Стало быть, какая уж тут размолвка! Вишь! Француз-то задирает Русь. Какой-то там Бонапартия, словно Суворов, так и долбит кого попало. Да уж мы не дадим

охулки на руку. Примем и его, молодца, как, бывало, басурман, по-суворовски!..

До городка Тешен войска шли обыкновенным маршем. С прибытием в армию Кутузова колонны начали двигаться ускоренными переходами, делая в сутки до шестидесяти верст. Порядок следования был положен с примерной точностью: на каждый фургон садилось по двенадцать человек в полном вооружении, и такое же количество солдат складывало туда ранцы и шинели.

Через десять верст следовала перемена. Конница и артиллерия отставали от пехоты несколькими маршами.

Невзирая на поспешность движения, венский двор не переставал упрашивать Кутузова еще более ускорить марши. Но русский главнокомандующий не соглашался, справедливо опасаясь изнурить войско в наступившее ненастное осеннее время. Он делал дневки по усмотрению, соображаясь с усталостью людей.

Привалов теперь почти не было. По прибытии солдат на ночлег их тотчас расставляли по квартирам. Мещанин или бауэр уже ожидал у своей калитки и, пропустив мимо себя назначенное ему магистратом число постояльцев, захлопывал калитку на запор. В большой опрятной кухне уже хлопотала его баба, а на столе стояли кружки – по числу едоков. Отличная пища, винная порция, даже кофий и мягкая чистая постель – все было к услугам русского воина.

Под шутки и прибаутки солдаты с грохотом составляли в сепцах тяжелые ружья с широкими штыками и, крестясь на раскрашенное деревянное распятие, шли садиться по лавкам. Чистота и аккуратность немцев в одежде и убранстве дома, тщательность в обработке земли, достаток в харчах удивляли всех.

– Ай, брудеры! Народ смышленный!.. – рядили солдаты, вытаскивая из-за голенища деревянные ложки.

Многое в самом деле было в диковинку. Не могли солдаты довольно надивиться тому, что у немцев воловья упряжь, или, лучше сказать, ярмо утверждалось не на шее быка, а на его рогах.

Когда им объяснили, что у рогатой скотины вся сила во лбу, многие рассуждали: «Хитер немец! Ведь понял же! Проник!» Обычай австрийцев ковать быков также обращал внимание солдат. Но, похвалив, как и все, немецкую замысловатость, Сергей Семенов возразил своим товарищам:

– Все так. Да что-то плохо они управляются с французом!..

Теперь уже все знали, что русской армии впервые предстоит встреча с самим Наполеоном. До солдатских ушей начали доходить слухи, будто француз берет верх и австрияки идут на попятную. Не потому ли так любезны и предупредительны были хозяева на каждом ночлеге? Цесарцы страшились вторжения наполеоновской армии. Старик Мокеевич, не пожелавший уйти вчистую и оставшийся сверх срока в строю, согласился с Семеновым, пробасил:

– Да, Чижик! Не радуется дело с брудерами, коли на первых порах не устояли...

– Видно, придется нам на чужой земле француза угощать, – продолжал Семенов. – Ну что же, не посраим русское имя. А теперь, ребята, поглядим, что положит бродер в наш родительский скоровар...

За эти дни он полюбил немецкий кофий, который солдаты, на польский манер, называли «кава». В простонародье он подавался обыкновенно с примесью картофеля и цикория, подслащивался же сахарной патокой. Хозяйка уже положила смесь в большой железный кувшин, залила водой и теперь кипятила на огне. Однако, когда она начала разливать кофий по кружкам, солдаты зароптали и потребовали суповые миски. Влив с гущей этот взвар и накропив туда порядочно ситника, каждый принялся хлебать кофий ложкой, словно щи. Мокеевич примешал туда еще луку и все приправил солью. Многие последовали его примеру. Очень довольные этой похлебкой солдаты вскоре попросили у изумленной австриячки подбавить им еще жижицы.

– У немца кофий что у нас сбитень, – рассуждал между тем Мокеевич. – Немецкий солдат, вишь, без кофия жить не может.

Я давеча подсмотрел, что, почитай, у каждого на походе с собой маленький кофейник...

— То-то что и есть — кофейники! — отозвался Семенов, которого раздражала такая их бабья о себе заботливость. — Похлебал бы нашей тюри, то получшал бы на живот...

— Зато обыкновенный чай, — басил Мокеевич, — они употребляют как лекарство. Его надо спрашивать в аптеках. А в лавках и не отыщешь.

— Да, все чудно на чужбине. А сколько же мы в пути? — подумал вслух Семенов.

— Месяц и восемь ден, дяденька, — с готовностью откликнулся рыжий, с осыпанным гречкой лицом новобранец Пашка.

— Значит, нынче двадцать пятое сентября? Никитин день? Никиты репореза и гусятника?

Старый гренадер Мокеевич молодецки подправил указательным пальцем седые свои усы и повел глазом на дорожную хозяйку:

— Истинно говорят у нас в народе: «Не дремли, баба, на репорезов день! Ин дождешься гостя...»

— Да ведь она, дяденька, по-нашему ни хрена не понимает, — засмеялись молодые солдаты, в то время как рыжий Пашка так засмутился от шутки Мокеевича, что веснушки пропали на лице.

— Ничего, этот язык небось на всем свете един. — Семенов подмигнул хозяйке, которая, скорее ради приличия, чем от стыдливости, прикрыла лицо фартуком. — Что, фраза, не надоел еще тебе немец-то твой? Русский во всяком деле жарче будет. А ваши-то мужики небось горазды только пиво дуть...

Семенов с товарищами вдоволь нагляделись на то, как австрияки в своих трактирах часами просиживали над гальбой — пол-литровой кружкой. Они рассуждали о Наполеоне, разводя пальцами по столу пивные капли, чтобы яснее обозначить его богатырские движения. Русские солдаты в нелегком и день ото дня все усложнявшемся пути по цесарской земле тоже гадали: где же может быть француз?

Но этого не знал никто. Даже умудренный опытом русский главнокомандующий.

Кутузов еще раз пробежал глазами текст рескрипта Александра I о ведении войны:

«...По вступлении вашем в австрийские владения вы поступаете под главную команду императора римского или эрцгерцога Карла или другого принца крови австрийского дома, кто назначен будет главнокомандующим над армиями, если его величество не будет сам оным командовать, а посему, если по стечению обстоятельств двор венский найдет предпочтительно полезным обратиться армию, вами командуемую, к Италии или к другому пункту границ своих, вы должны следовать в точности таковому направлению...» Да, главнокомандующий был связан по рукам и ногам, а сама русская армия становилась как бы заложницей венского кабинета! Снова, как при покойном государе Павле Петровиче, русским приходилось таскать каштаны из огня для пессарцев.

Стремление Вены вернуть утраченные вассальные владения заставило направить в Италию 180-тысячную армию под командованием наиболее одаренных военачальников – эрцгерцогов Карла и Иоанна. Кроме того, австрийцы решили, не дождавшись русских, занять находившуюся в союзе с Наполеоном Баварию. 46-тысячная армия перешла с этой целью пограничную реку Инн, проникла в глубь Баварии и расположилась у крепости Ульм. Главнокомандующим этой армией был назначен эрцгерцог Фердинанд, но в действительности всем распоряжался приданный ему в руководители генерал Мак, обладавший громадной самоуверенностью, которая никак не соответствовала его скудным природным дарованиям.

Где же Бонапарте?..

По первоначальному плану, как мы помним, Наполеон собрал свою армию у Ла-Манша. Выступление России и Австрии спасло Англию: лишь только французский полководец узнал о появлении пессарцев в Баварии и движении армии Кутузова, как немедленно изменил свой план. Он решил совершить

марш-бросок через половину Европы и разбить союзников по частям...

Хотя от Мака приходили самые успокоительные вести, Кутузов тревожился, лишь гадая, как могут развиваться события. Считалось, что Бонапарт все еще у берегов Ла-Манша, но так ли это? Между тем русские войска в долгом марше растянулись на много десятков верст. Впереди шли пять пехотных колонн, а за ними, обычным маршем, двигались кавалерия и артиллерия.

3

В тяжелом походе Кутузов, по примеру Суворова, оставался истинным отцом солдату.

В нем удивительно соединялись кротость, снисходительность, мужество, благоразумие и неколебимая предприимчивость. Никто не смел обидеть солдата его команды. Зато и команда его никого не обижала, опасаясь прогневать своего начальника. Всегда заботился он о том, чтобы войны, по возможности, не были голодны и пища была сколь можно лучшая; сам осматривал артели и едал вместе с рядовыми кашлицу.

Порой он давал солдатам умышленную потачку, чтобы лучше знать качество каждого. Но зато явного преступления не оставлял без наказания. Если должен был за что-то сделать вычет из жалованья рядового, взыскивал деньги с капитана, которого, однако ж, не имел на дурном счету и даже не переменил о нем прежнего мнения. Терпящих крайнюю нужду снабжал нередко деньгами из собственного кошелька. И вообще никому не отказывал в том, что мог сделать, не нарушая правил службы.

Он особенно любил и выделял унтер-офицера Сергея Семенова. Иногда, пропуская колонны на марше, скакал на его голос, звонко выведивший:

Что под дождичком трава,
То солдатска голова!
Ой, калина, ой, малина!
То солдатска голова, —